

ПОЭТИКА ПУШКИНА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ И ЭПОХИ PUSHKIN'S POETIC IN THE CONTEXT OF TRADITION AND TIME

DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-4-696-706

EDN: OORLFB

УДК 82-0.82-1/29.82-6

Научная статья / Research article

«Стихи и проза» в послании к А.Н. Вульфу: о природе пушкинского поэтического «сора»*

Е.Н. Григорьева² , В.Т. Золотухин¹

¹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

e.grigoreva@spbu.ru

Аннотация. Цель исследования – анализ пушкинского послания «<Из письма к А.Н. Вульфу>» (1824), направленный на выявление стратегий, которые позволяют бытовому слову проникать в поэтический дискурс. В тексте обнаруживается очевидная прозаизация, возможная и благодаря жанровой специфике дружеского послания, и вопреки ей. С одной стороны, этот жанр в лирике Золотого века занимает пограничное положение между поэзией и бытом, за счет чего легко насыщается будничными подробностями. С другой – прозаизация стихотворения явно нарушает законы высокой поэзии (неслучайно оно входило в письмо к Вульфу и не предназначалось для печати). Однако анализ произведения обнаруживает и противоположную тенденцию, свидетельствующую о том, что текст Пушкина построен на тонкой литературной игре. В результате сделаны выводы: бытовая образность стихотворения возникает на почве традиционных мотивов дружеского послания, подвергающихся глубокой трансформации; художественная структура произведения включает неочевидную рецепцию поэтических приемов Н.М. Языкова, который входил в число его предполагаемых читателей; из-за совмещения противоположных стратегий «проза» входит в лирический дискурс, расширяя сферу высокой поэзии. Яркий пример такого совмещения – топоним «Троегорское»: адаптируя название усадьбы к метрической норме текста, Пушкин подчиняет бытовое слово законам поэтической речи. Описанные тенденции можно обнаружить в целом ряде не предназначенных для печати пушкинских стихотворений. Именно на периферии лирической системы вырабатывается та поэтика, которую Пушкин в «Евгении Онегине» обозначил

* Статья написана на основе материалов, подготовленных для портала «Пушкин Цифровой». URL: <https://dh.itmo.ru/pushkin-digital> (дата обращения: 15.06.2025).

как «фламандской школы пестрый сор». Само это поименование основано на описанных выше художественных принципах: «прозаическое» слово «сор» одновременно оказывается поэтической метафорой, в которой быт осмысляется через эстетику малых голландцев.

Ключевые слова: Пушкин, Языков, рецепция, жанр, лирика, поэзия, проза

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных – Е.Н. Григорьева; написание и редактирование рукописи – В.Т. Золотухин. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 августа 2025 г.; отрецензирована 15 сентября 2025 г.; принятая к публикации 18 сентября 2025 г.

Для цитирования: Григорьева Е.Н., Золотухин В.Т. «Стихи и проза» в послании к А.Н. Вульфу: о природе пушкинского поэтического «сора» // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 696–706. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-696-706>

“Verse and Prose” in an Epistle to A.N. Wolf: On the Nature of Pushkin’s Poetic “Litter”*

Elena N. Grigorieva²✉, Veniamin T. Zolotukhin¹

¹ Institute of Russian Literature (Pushkin House), Saint Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉e.grigoreva@spbu.ru

Abstract. The aim of this study is to analyze Pushkin’s epistle *< Iz pis’ma k A. N. Vul’fu >* (<From a Letter to A.N. Wulf>, 1824), with a focus on identifying the strategies that allow everyday language to penetrate poetic discourse. The text reveals a clear tendency toward prose, made possible both owing to genre specificity of a “friendly epistle” and in spite of it. On the one hand, this genre in Golden Age lyric poetry occupies a borderline position between art and everyday life, which makes it easily saturated with mundane details. On the other hand, the prosaic quality of the poem clearly violates the laws of high poetry (it is no coincidence that the poem was part of a letter to Wulf and not intended for print). However, the analysis of the work also reveals the opposite tendency, showing that Pushkin’s text is built on subtle literary play. The analysis leads to the following conclusions: The everyday imagery of the poem grows out of traditional motifs of a “friendly epistle”, which undergo a deep transformation; the artistic structure of the work incorporates an implicit reception of the poetic techniques of N.M. Языков, who was among its intended readers; as a result of combining opposite strategies, “prose” enters the lyrical discourse, expanding the sphere of high poetry. A vivid example of such a combination is the toponym *Troegorskoe*: by adapting the name of the estate to the metrical norm of the text, Pushkin subject everyday language to the laws of poetic speech. These

* The research has been fulfilled within the framework of the internet database “Digital Pushkin”. URL: <https://dh.itmo.ru/pushkin-digital> (accessed: 15.06.2025).

tendencies can be traced in a number of Pushkin's poems not intended for publication. Here, on the periphery of the lyrical system, is the precise locus of development of the poetics, which Pushkin in *Eugene Onegin* refers to as *Flamandskoy Shkoly Pestryy Sor* (The Flemish School's Variegated Dross). This very designation is based on the artistic principles outlined above: the “prosaic” word “dross” simultaneously becomes a poetic metaphor, where everyday life is interpreted through the aesthetics of the Minor Dutch masters.

Keywords: Pushkin, Yazykov, reception, genre, lyrics, poetry, prose

Authors' contribution. Development of the idea, research data collection & analysis – Elena N. Grigorieva; manuscript writing & editing – Veniamin T. Zolotukhin. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 18, 2025; revised September 15, 2025; accepted September 18, 2025.

For citation: Grigorieva, E.N., & Zolotukhin, V.T. (2025). “Verse and Prose” in an Epistle to A.N. Wolf: On the Nature of Pushkin’s Poetic “Litter”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 30(4), 696–706. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-696-706>

Введение

Стихотворным посланием к А.Н. Вульфу (1805–1881) открывалось письмо Пушкина от 20 сентября 1824 г. из Михайловского в Дерпт. За стихами следовал текст, где Пушкин звал учившегося в Дерптском университете Вульфа приехать зимой в Тригорское вместе с его приятелем, студентом того же университета, поэтом Н.М. Языковым (1803–1846), с которым Пушкин еще не был знаком:

В самом деле, милый, жду тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками. Уговори Языкова да отдай ему мое письмо; так как я под строгим присмотром, то если вам обоим за благо рассудится мне отвечать, пришли письма под двойным конвертом на имя сестры твоей А^{нны} Н^{иколаевны}.

До свидания, мой милый.

A. П.¹

На этом письмо не заканчивалось, поскольку сестра Вульфа Анна сделала на тех же листах свою приписку:

Александр Сергеевич вручил мне это письмо к тебе, мой милый друг. Он давно сбился писать к тебе и к Языкову, но я думала, что это только будет на словах. Пожалуйста, отдай тут вложенное письмо [к] Языкову и, ежели можешь, употреби все старание уговарить его, чтобы он зимой сюда приехал с тобой. Пушкин этого очень желает; покамест, пожалуйста, отвечай скорее на это письмо и пришли ответ от Языкова скорее. <...>

Сентября 20 1824 года.

Лев тебя цалует².

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 томах. Т. 13: Переписка, 1815–1827. М. ; Л. : АН СССР, 1937. С. 109.

² Там же.

Из этой приписки известно, что в то же письмо было вложено еще одно стихотворное послание – «К Языкову» («Издревле сладостный союз...»)³. При сопоставлении двух одновременно отправленных в Дерпт посланий становится очевидным, как рецепция адресатами, когда каждый должен был прочитать оба текста, была сложно запрограммирована Пушкиным. Послание к Языкову, насыщенное поэтическими формулами, традиционными метафорами, написано в том возвышенном тоне, каким подобает одному поэту обращаться к другому. Лишь во второй части стихотворения, неслучайно исключенной при его публикации, интонация несколько меняется, появляются бытовые детали, впрочем, в большинстве случаев остающиеся опоэтизованными. Иное дело, послание к Вульфу. На первый взгляд оно кажется написанным «запросто», так сказать, без поэтических затей, но в нем-то и предъявлено особое мастерство, рассчитанное не на восприятие его непосредственного адресата, а на тот тип рецепции, который доступен только поэту. Адресация организована с неявным лукавством: Пушкин еще не знаком с Языковым и пишет ему вполне этикетное послание, сопровождаемое, однако, другим текстом, как будто обращенным не к нему, а на деле рассчитанным на особую тонкость именно его поэтического слуха.

Результаты и обсуждение

<Из письма к А.Н. Вульфу>

1 Здравствуй, Вульф, приятель мой!	a
2 Приезжай сюда зимой,	a
3 Да Языкова поэта	B
4 Затащи ко мне с собой —	a
5 Погулять верхом порой,	a
6 Пострелять из пистолета.	B
7 Лайон, мой курчавый брат	c
8 (Не михайловский приказчик),	D
9 Привезет нам, право, клад...	c
10 Что? – бутылок полный ящик.	D
11 Запирем уж, молчи!	e
12 Чудо – жизнь анахорета!	F
13 В Троегорском до ночи,	e
14 А в Михайловском до света;	F
15 Дни любви посвящены,	g
16 Ночью царствуют стаканы,	H
17 Мы же – то смертельно пьяны,	H
18 То мертвеечки влюблены ⁴ .	

Дружеское послание «<Из письма к А.Н. Вульфу>» открывается приветствием: «Здравствуй, Вульф, приятель мой!». Произведения этого жанра

³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Т. 3, кн. 1. СПб. : Наука, 2019. С. 473.

⁴ Там же. С. 7. Выделения авторские – Е.Г., В.З.

часто включали прямое обращение к адресату. Сохраняя черты реального человека, такой адресат вместе с тем наделялся свойствами, обретение которых возможно только в поэтическом мире (ср.: **О Г<алич>, Г<алич>! поспеши!**! / **Тебя** зовут и сон ленивый, / И друг ни скромный, ни спесивый, / И кубок, полный через край!⁵; Так, **любезный мой Гораций**, / Так, хоть рад, хотя не рад, / Но теперь я муз и граций / Променял на вахтпараад⁶...; Где ты, **беспечный друг?** / где ты, о **Дельвиг мой**, / Товарищ радостей минувших, / Товарищ ясных дней, недавно надо мной / Мечтой веселою мелькнувших?⁷).

Однако в пушкинском послании Вульф – просто «приятель», причем слово употреблено в прямом словарном значении. Столь же конкретны и другие персонажи стихотворения: Лайон, брат Пушкина, и непоименованный «михайловский приказчик». Само слово «приказчик» еще более неуместно в поэтическом контексте, чем такая бытовая деталь, как «пистолеты». Не менее «прозаичны» все глагольные формы первого шестистишия: «приезжай», «затащи», «погулять», «пострелять», нарочито конкретно представляющие деревенские развлечения – верховую езду, стрельбу. В императиве «затащи» даже звучит легкая грубоść, свойственная разговорной речи. Все это оказывается возможным и благодаря жанровой природе текста, и вопреки ей. С одной стороны, дружеское послание Золотого века занимает пограничное положение между поэзией и бытом, за счет чего легко насыщается будничными подробностями (ср., например, описание всевозможных яств в послании К.Н. Батюшкова «К Ж<уковско>му»: Тебе подносит вины / И портер выписной, / И сочны апельсины, / И с трюфлями пирог – / Весь Амальтеи рог, / Вовек неистощимый, / На жирный твой обед¹⁸). С другой – прозаизация пушкинского текста явно нарушает законы высокой поэзии, даже в самых вольных ее формах. Неслучайно стихотворение входило в письмо к Вульфу и не предназначалось для печати. В этом же регистре звучит и обращение Пушкина к брату Льву Сергеевичу в черновике адресованного ему послания:

Что же? будет ли вино?
Лайон, жду его давно –
Знаешь ли какого рода?
У меня заведено:

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Т. 1. СПб. : Наука, 2019. С. 110. Выделения авторские – Е.Г., В.З. Обращение на «ты» к лицейскому профессору А.И. Галичу и приглашение его к пищу указывают на то, что общение в поэтическом мире отменяет правила мира реального.

⁶ Боратынский Е.А. Полное собрание сочинений и писем : в 3 томах. Т. 1. Стихотворения 1818–1822 годов. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 87. Выделения авторские – Е.Г., В.З. Дельвиг превращается в «любезного Горация», перифрастическое поименование – знак перехода в мир поэзии.

⁷ Там же. С. 118. Выделения авторские – Е.Г., В.З. «Беспечность» – типовое качество адресата (а иногда и автора) дружеского послания.

⁸ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М. : Наука, 1977. С. 275–276. Амальтея – в древнегреческой мифологии коза, вскормившая своим молоком Зевса.

Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин.
Сам себе я господин...⁹

В таком окружении контрастно выделяется приложение «поэта» («Да Языкова поэта / Затащи ко мне с собой...»). Контраст подчеркнут неожиданной рифмой «пистолета» (ср. описание гибели Ленского в шестой главе романа «Евгений Онегин» (1826): Вот пять шагов еще ступили, / И Ленский, жмура левый глаз, / Стал также целить – но как раз / Онегин выстрелил... Пробили / Часы урочные: поэт / Роняет, молча, пистолет, / На грудь кладет тихонько руку / И падает. Туманный взор / Изображает смерть, не муку. / Так медленно по скату гор, / На солнце искрами блистая, / Спадает глыба снеговая. / Мгновенным холодом облит, / Онегин к юноше спешит, / Глядит, зовет его... напрасно: / Его уж нет. Младой певец / Нашел безвременный конец! / Дохнула буря, цвет прекрасный / Увял на утренней заре, / Потух огонь на алтаре!..¹⁰), сталкивающей высокое и низкое, поэтическое и обыденное. Сдвиг в сторону быта распространяется и на обязательный атрибут дружеского послания – вино, которое было традиционным знаком веселья, свободы, пира-симposium. В пушкинском стихотворении символическое вино превращается во вполне конкретный «бутылку полный ящика», а «симposium» утрачивает философские или литературные подтексты, становясь бесшабашной пирушкой молодых людей. На смену «круговой чаше» или «чаше дружбы» – устойчивым атрибутам поэтического пира – приходит неожиданное олицетворение «царствуют стаканы». Так возникает «бытописательная» поэтика стихотворения, ориентированного на житейское правдоподобие. Поэтому особенно интересно, что бытовые детали не напрямую заимствуются из внелитературной действительности, но представляют собой трансформированные мотивы, характерные для дружеского послания. «Нагое слово» не вытесняет традиционные образы, но входит в их структуру – неслучайно слово «поэт» зарифмовано не только с «прозаическим» существительным «пистолет», но и с поэтическим «анахорет», то есть «отшельник».

Возвышенное поименование героя – «анахорет» – отсылает к традиционному хронотопу дружеского послания – «малому миру», приюту сельского уединения, противопоставленного городской суете. В стихотворении Пушкина воображаемое место сельского уединения обретает географическую конкретность – это «Троегорское» и Михайловское. При этом оно, как и в классических образцах жанра, остается пространством свободы и радости, куда лирический герой призывает друзей. Обретая социальную-бытовую и биографическую точность, мир послания не утрачивает связь со своей жанровой

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Т. 3, кн. 1. СПб. : Наука, 2019. С. 342.

¹⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 томах. Т. 6: Евгений Онегин. М. ; Л. : АН СССР, 1937. С. 130. Выделения авторские – Е.Г., В.З. В контексте романа бытовая стилистика совмещается с перифразическим поэтическим языком, образуя полифоническое единство обыденного и возвышенного.

основой. Временные характеристики хронотопа тоже видоизменяются и все-таки остаются узнаваемыми. В «Моих пенатах» К.Н. Батюшкова, образцом дружеском послании, ночь – это время любви, а день – творчества и пира. У Пушкина дни, проведенные в Тригорском, отданы любви, и потому изысканный батюшковский эротизм, наслаждение страстью превращается в веселый и легкий флирт. Ночи же в послании к Вульфу посвящены пиру, который становится беззаботным возлиянием. Возникает в стихотворении и мотив творчества, только в свернутом виде: он вводится упоминанием о «профессии» поэта Языкова. Последние два стиха, в которых содержится очевидный каламбур, оживляют общезвестные фразеологизмы. Выражения «мертвецки пьян» и «смертельно влюблен», обмениваясь наречными эпитетами, звучат как изящный каламбурный пуант. И вместе с тем шутливый финал стихотворения создает образ анакреонтической утопии – вечной влюбленности и вечного пира¹¹.

Описанные стратегии прозаизации текста сочетаются с иными, сугубо поэтическими, – менее очевидными, но не в меньшей мере отвечающими за смыслообразование. Послание к Вульфу состоит из 18 астрофических стихов четырехстопного хорея. Рифма разделяет их на шестистишие и три четверостишия с разной структурой: в заключительном перекрестная рифмовка сменяется опоясывающей. Такая вольная форма характерна для дружеского послания, стилизующего непринужденную приятельскую болтовню. Ориентация на разговорную речь ярко проявляется в тот момент, когда поэт одновременно вводит императив («молчи!»), вопрос и восклицания:

Что? – бутылок полный ящик.
Запирем уж, молчи!
Чудо – жизнь анахорета!

Рифменный строй стихотворения тоже служит имитации обыденного языка. Первое шестистишие организовано избыточным повтором рифм, связывающим первый, второй, четвертый и пятый стихи («мой» – «зимой» – «с собой» – «порой»), а рифма стихов третьего и шестого вдруг возвращается в двенадцатом и четырнадцатом стихах («поэта» – «пистолета» – «анахорета» – «света»). Нанизывание строчек подчеркивает «болтливость» пушкинского послания. Инструментовка концовок последних двух четверостиший («молчи» – «ночи» – «посвящены» – «влюблены»), в соответствии с представлениями о норме рифмовки в Золотом веке, не воспринимается как единая рифма, но все же связывается звучанием: гласные «и» и «ы» звучат похоже (неслучайно их иногда даже считают вариантом одной фонемы). Рифменная однородность большей части текста выделяет последнее четверостишие с резкой сменой рифмовки, акцентируя на нем внимание.

Послание Золотого века нередко воспроизводило художественный стиль поэта, которому было адресовано, а Н.М. Языков, как было сказано выше,

¹¹ О поэтике жанра дружеского послания см. (Виролайнен, 2003; Грехнев, 1994).

входил в число предполагаемых читателей текста. Поэтому Пушкин, согласно законам жанра, ориентируется на поэтику этого адресата, приводя в соответствие ей ритмическую организацию стихотворения. Любимым размером Языкова был четырехстопный ямб в том узнаваемом оригинальном варианте, который сам поэт позже опишет так: «Мой бойкий ямб четверостопный, / Мой говорливый скороход...»¹². «Бойкость скорохода» возникала благодаря излюбленным языковским приемам – пропуску двух метрических ударений в четырехударном стихе и переносам, необычно частотным для лирики этой эпохи¹³. В поэзии Языкова те же особенности присущи и другому двухсложному размеру – четырехстопному хорею. Вот фрагменты из «Песни», которые демонстрируют ритмико-сintаксические особенности стиха, со временем ставшие своего рода «визитной карточкой» поэта:

Пусть свободны и легки

Мчатся юности досуги!

Пейте, братья, пейте, други,

Удалые бурсаки! (*Пропущены метрические ударения на первом и пятом слогах.*)

<...>

Вся беседа гордо встань:

Бурсе нашей **знаменитой** (*перенос*)

Слава! Лейте пунш сердитый

В богатырскую гортань! (*Пропущены метрические ударения на первом и пятом слогах.*)

[За разгульную красотку,

За свободу наших дней!]

Улыбнись, бурсак, и **пей** (*перенос*)

Сокрушительную водку. (*Пропущены метрические ударения на первом и пятом слогах.*)

Други-братья! вот оно –

Волхов, Тибр и Иппокрена:

В нем огонь, и шум, и пена –

Благодатное вино!¹⁴ (*Пропущены метрические ударения на первом и пятом слогах.*)

Пушкин тоже пишет свое стихотворение четырехстопным хореем – редким в жанре послания, но характерным для песен, которыми был известен Языков. Благодаря размеру последние восемь стихов пушкинского текста звучат как вакхическая песня (ср. с вакхическими» восьмистишиями А.Д. Илличевского и самого Пушкина: Между вином и красотою / Решить, что лучше, мудрено, / Но жить в согласья с тем и тою, / Признаться, я б хотел равно. / Не спрашивайте же, что слаще; / То свыше простоты моей: / Но от вина восторги чаще, / От ней пореже, да живей¹⁵; Я люблю вечерний пир, / Где веселье

¹² Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. 2-е изд. М. ; Л. : Советский писатель, 1964. С. 310.

¹³ «Беспереносный» стиль свойственен классицистам, в лирике Золотого века переносы возможны, но статистически ограничены. См. об этом (Матяш, 2006; 2016).

¹⁴ Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. 2-е изд. М. ; Л. : Советский писатель, 1964. С. 265–266. Выделения авторские – Е.Г., В.З.

¹⁵ Илличевский А.Д. Опыты в антологическом роде. СПб. : в типографии Департамента народного просвещения, 1827. С. 80.

председатель, / А свобода, мой кумир, / За столом законодатель, / Где до утра слово *ней!*! / Заглушает крики песен, / Где просторен круг гостей, / А кружок бутылок тесен¹⁶), вторя узнаваемым языковским мотивам и создавая настроение пиршественного восторга, смягченного, впрочем, шутливой интонацией. На приближение к этой форме «работает» и несовпадение метра и ритма, поскольку двухударный стих требует напевной манеры чтения. Прием пропуска двух ударных слогов организует семь стихов: третий («Да Языкова поэта»), шестой («Пострелять из пистолета»), восьмой («Не михайловский приказчик»), одиннадцатый («Запишуем уж, молчи!»), тринадцатый («В Троегорском до ночи»), четырнадцатый («А в Михайловском до света»), восемнадцатый («То мертвцы влюблены»). Любопытно, что впервые такая ритмика возникает именно в строчке «Да Языкова поэта», которая к тому же завершается переносом:

Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой¹⁷.

Так неочевидная рецепция поэтических приемов Языкова: узнаваемый вариант песенного стиха, указанный перенос и мотивная близость дружеского послания к излюбленному языковскому жанру застольной песни (вино, любовь, пир и дружба входят в тематический комплекс обеих форм) – позволяют разнообразить поэтику произведения.

Наконец, заключительный пункт текста вводит каламбур, отсылающий к совершенно иной традиции. Финальная острота, построенная на игре слов, характерна для всевозможных «мелочей» и «безделок», то есть малых форм «легкой поэзии», таких как эпиграмма или мадrigal. Каламбурами изобиловали шутливые стихи членов «Арзамаса». Признанным острословом считался П.А. Вяземский, прибегавший к этой поэтической технике в самых разных жанрах, в том числе и в жанре послания (ср.: Пусть **белых негров** прекратится / Продажа на святой Руси. / Но как ни будь я в слове прыток, / Всего нельзя спустить с пера; / Будь в этот год нам в зле **убыток** / И прибыль в **бюджете добра**¹⁸).

Заключение

Таким образом, бросающаяся в глаза прозаизация пушкинского текста маскирует собственно поэтические приемы. В результате совмещения этих противоположных стратегий «проза» входит в поэтический текст, расширяя возможности самой поэзии. Такое совмещение можно обнаружить в целом ряде не предназначенных для печати пушкинских стихотворений: «<Записка Жуковскому>» («Штабс-капитану, Гете, Грею...») (1819), «<Записка Жуковскому>» («Раевский, молоденец прежний...») (1819), «<В.Л. Давыдову>» (1821?),

¹⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 20 томах. Т. 2, кн. 1. СПб. : Наука, 2004. С. 65.

¹⁷ Выделения авторские – Е.Г., В.З.

¹⁸ Вяземский П.А. Стихотворения. Л. : Советский писатель, 1986. С. 152. Выделения авторские – Е.Г., В.З.

«<Из письма П.А. Вяземскому>» (1825), «<Из письма к Е.И. Великопольскому>» (1826), «К Язъикову» (1826) и др. Именно здесь, на поэтической периферии вырабатывается та стилистика, которую Пушкин обозначил в «Евгении Онегине» как «фламандской школы пестрый сор». После классических исследований Ю.Н. Тынянова (1921–1922) (Тынянов, 1977, с. 52–75), В.М. Марковича (1963) (Маркович, 2023, с. 10–27), С.Г. Бочарова (1974) (Бочаров, 1974, с. 26–105), Ю.М. Лотмана (1975) (Лотман, 1995, с. 393–462), Ю.Н. Чумакова (1969–1999) (Чумаков, 1999) текст романа в современной пушкинистике воспринимается прежде всего как «энциклопедия» поэзии Золотого века¹⁹. Необходимо уточнить, каким способом и на каких правах входит в поэтический мир то, что названо «пестрым сором». Само это поименование вырастает описанным выше способом:

Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...
ТЬФУ! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!²⁰

Бросающаяся в глаза нарочитая «проза», оформленная «нагим» словом, обрывается многоточием, резким разговорным междометием «тьфу» и неожиданно разрешается отсылкой к метафорическому ряду, в котором элементы полотен малых голландцев уподоблены пестрому сору бытовой жизни. Метафора превращает сниженный быт в поэзию.

Так стихотворные опыты, существовавшие на границе литературы и быта, позволили Пушкину расширить сферу поэтического. Единицей такого совмещения быта и поэзии, его атомом в тексте проанализированного послания к Вульфу звучит «Троегорское», соединяющее название усадьбы и его поэтическую адаптацию для метрической нормы текста.

Список литературы

- Бочаров С.Г. Стилистический мир романа («Евгений Онегин») // Поэтика Пушкина : очерки / отв. ред. Н.К. Гей. М. : Наука, 1974. С. 26–104.
- Виролайнен М.Н. Две чаши (Мотив пира в дружеском послании 1810-х гг.) // Речь и молчание : сюжеты и мифы русской словесности. СПб. : Амфора, 2003. С. 291–311. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2024-2-48-71>
- Виролайнен М.Н. «Евгений Онегин» за чертой пушкинской эпохи: к истории рецепции (1844–1999) // Русская литература. 2024. № 2. С. 48–71. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2024-2-48-71>
- Грехнев В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород : Изд-во Нижний Новгород, 1994. С. 27–68.
- Лотман Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин» : спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Пушкин : биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990. «Евгений Онегин» : коммент. СПб. : Искусство-СПб., 1995. С. 393–462.

¹⁹ Ср.: «„Евгений Онегин“ – это текст, по которому могла бы быть реконструирована, в случае утраты всех других текстов эпохи, литературная культура русского Золотого века» (Виролайнен, 2024).

²⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 16 томах. Т. 6. М. ; Л. : АН СССР, 1937. С. 201.

- Маркович В.М.* Из наблюдений над композицией «Евгения Онегина» // О Пушкине : работы разных лет. СПб. : Росток, 2023. С. 10–27.
- Матяш С.А.* Переносы (enjambements) в лирике А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 11(65). С. 57–63.
- Матяш С.А.* Стихотворные переносы (enjambements) Н.М. Карамзина и проблема рецепции стиховых форм // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 11(199). С. 37–45.
- Тынянов Ю.Н.* О композиции «Евгения Онегина» // Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 52–78.
- Чумаков Ю.Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб. : Государственный Пушкинский театральный центр в СПб., 1999. 432 с.

Сведения об авторах:

Григорьева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9. ORCID: 0000-0002-1992-5914; SPIN-код: 7977-7990. E-mail: e.grigoreva@spbu.ru

Золотухин Вениамин Тимофеевич, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела пушкиноведения, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. ORCID: 0000-0001-9666-9697; SPIN-код: 8323-4958. E-mail: ilyaplatonovich@gmail.com